

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

© 1990 г.

ОБ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ ПАМИРСКИХ СКАЗОК

Недавно нам попала в руки книга «*Märchen von Dach der Welt. Überlieferungen der Pamir-Völker*» («Сказки „крыши мира“. Предания памирских народов»), выпущенная в 1986 г. в издательстве «Eugen Diederichs» (Кёльн, ФРГ) в серии «*Die Marchen der Weltliteratur*» Исидором Левиным. Велико же было наше удивление, когда мы увидели, что в этой книге в переводе на немецкий язык публикуются сказки из наших изданий: «Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык» (Л., 1972); «Ваханский язык» (М., 1976); «Сказки народов Памира» (М., 1976), а также сказки из книг других советских иранистов. Согласия на использование этих материалов у нас никто не спрашивал.

При дальнейшем ознакомлении с книгой наше удивление еще более возросло. О И. Г. Левине нам было известно, что одно время он участвовал в систематизации таджикских фольклорных записей в Душанбе, и мы ожидали, что рассматриваемый сборник даст зарубежному читателю правильное представление о памирском фольклоре. Оказалось, увы, что это не так. Помимо памирских сказок И. Г. Левин включил в сборник тексты, не имеющие отношения к фольклору на памирских языках. Неизвестно, какими критериями при отборе сказок руководствовался составитель (или его издатель), включая под обложку с титулом «Сказки „крыши мира“») также сказки и анекдоты, записанные под Самаркандом, Ленинабадом, Ура-Тюбе, и даже сказку живущей в Гиссаре индоязычной народности парья (из книги И. М. Оранского «Фольклор и язык гиссарских парья». М., 1977).

Сначала мы подумали, что составитель под эффектным заглавием, возможно, хочет дать своим читателям образцы среднеазиатского фольклора, но вскоре поняли, что у И. Г. Левина абсолютно превратное представление не только о Средней Азии в целом, но и о географическом положении Памира. Часть тиража книги снабжена обширным (с. 241—325) послесловием И. Г. Левина, перечислить все ляпсусы которого просто невозможно — их слишком много*. С первой же страницы этого послесловия мы узнаем, что Памир на севере граничит с Алтаем (может быть, имеется в виду Алай?), к северу от Язгуляма в Пяндж впадает Вахш (видимо, Вандж?), оз. Искандеркуль находится на Памире (с. 245), а на с. 301 вообще выясняется, что сарыкольский язык (от которого, оказывается, ведет свое происхождение ваханский!) распространен аж на берегах Желтого моря. Вместо того, чтобы объяснить читателям, что представляет собой область распространения памирских языков (не совпадающая, как известно, с географическими границами Памира) в культурно-историческом аспекте, И. Г. Левин дает чрезвычайно путаное и весьма далекое от истины описание климата, животного и растительного мира Средней Азии, никак не разграничивая сведения, относящиеся к Азии в целом и к собственно Памиру (не углубляясь, конечно, в такие «детали», как Памир Западный и Восточный). Автор дает информацию троякого рода: заведомо не верную ни для одного региона Средней Азии; может быть, и верную, но не имеющую отношения к Памиру; и, наконец, относящуюся к Памиру, но тоже неточную или ошибочную. И. Г. Левин утверждает, что в долинах рек тропа идет всегда только по одной стороне, а с другого берега — отвесные скалы (с. 249), хотя это в действительности не так. Заявляя, что Памир, Гиндукуш и Тибет отличаются от Альп и других европейских гор сухим континентальным климатом (с. 242), автор, видимо, не знает, что южный склон Гиндукуша в своей восточной части входит в зону муссонного климата. Выясняется, что яки (которые, оказывается, величиной с осла — с. 248) прекрасно себя чувствуют на высоте 10 тыс. м (!), хищные птицы имеют размах крыльев 10 м, в реках водятся карпы; из насекомых — термиты, хлопок возделывается не на волокно, а для получения масла (с. 246), на коровах и овцах иногда ездят верхом (с. 248), а свиньи и собаки считаются нечистыми, потому что питаются нечистотами (с. 247).

Если некоторые из этих и многих других ошибок и можно было бы отнести за счет опечаток или технических небрежностей и редакционных погрешностей (в частности, разночтения значительного числа собственных имен), то чем объяснить тот факт, что все названия памирских языков искажены и даются не так, как это принято на немецком языке?

Сведения по истории и этнографии, сообщаемые И. Г. Левиным, отличаются такой же путаностью (не ясно, когда речь идет о Средней Азии вообще, когда — о Памире) и свидетельствуют лишь о некомпетентности автора послесловия в отношении быта и истории народов

* В другой части тиража имеется более краткое (с. 241—246) послесловие от издательства, в котором в числе прочих нелепич индоарийский язык парья классифицируется как восточно-иранский (с. 243).

Средней Азии. Непонятно, зачем понадобились пространные наукообразные экскурсы в зороастризм, манихейство, буддизм, прямых отражений которых в памирском фольклоре нет (впрочем, их не находит и автор). В то же время сопоставлений с мусульманской ближневосточной традицией мало, а именно ее в первую очередь и нужно было учесть при анализе среднеазиатского фольклора. Непомерно раздутая историческая часть страдает тем же пороком, что и географическая: фактическими ошибками, сумбурностью, а прямого отношения к истории памирских народов она не имеет. Неуместны и постоянные упоминания о среднеазиатских евреях, которые на Памире никогда не жили.

Ниже всякой критики и чисто фольклористический уровень этого сборника. В библиографии ошибки есть практически в каждом названии: искажены имена авторов, перевернуты годы издания и т. д. На с. 303 И. Г. Левин пишет, что сказки из архива И. И. Зарубина остаются неопубликованными, что не мешает ему заимствовать русские переводы этих сказок (№ 1, 9, 16, 20), выполненные А. Л. Грюнбергом и Д. Карамшоевым, из составленной нами книги «Сказки народов Памира» (М., 1976) вместе с их типологическим анализом (сделанным А. А. Яскеляйн). Также без каких-либо оговорок И. Г. Левин переименовывает сказки, не подозревая, вероятно, что название сказки — это ее органическая часть: сказки бытуют в народе под определенными названиями, которые могут быть непонятны или же не нравиться «рассказоведам», но в любом случае они неотъемлемы от сказки (в наших публикациях названия сказок, данные не рассказчиками, приводятся в квадратных скобках). И. Г. Левин мунджанскую сказку «Ладжмон и дочь везира» называет «Die Prüfung» (№ 10), а ваханскую «Три совета» — «Das letzte Wort» (№ 24). И. Г. Левин делает вид, ссылаясь на те страницы наших книг, где приводится текст на памирском языке, что перевод на немецкий осуществлялся с оригинала, хотя совершенно очевидно, что немецкий перевод выполнен с русского, причем в него без всяких оговорок включены иногда наши комментарии и пояснения, а это приводит к явному искажению первоначального текста.

В заключение послесловия автор пишет, что в его распоряжении такое колоссальное количество (многие сотни и тысячи) образцов памирского фольклора, что выбрать 50 текстов для перевода было «очень трудной задачей даже для специалиста» (с. 324). Зачем же тогда И. Г. Левину понадобилось заимствовать материалы других исследователей, в том числе и не имеющие к Памиру никакого отношения?

Разбирать всерьез эту совершенно непрофессиональную работу и давать на нее подробную рецензию на страницах научного журнала, нам кажется, излишне. Хочется предупредить тех читателей-неспециалистов, которым попадет в руки эта книга, что ни одному слову, вышедшему из-под пера ее составителя и автора послесловия, доверять нельзя. Изданный им сборник наносит урон не только советским исследователям памирского и среднеазиатского фольклора, материалы которых были использованы столь беззастенчиво, но и отечественной фольклористике и иранистике, не говоря уже о том, что сборник этот не может дать немецкому читателю верного представления ни о «крыше мира», ни о рассказывавшихся там сказках, так же, как, впрочем, и о Средней Азии и ее фольклоре.

А. Л. Грюнберг, И. М. Стеблин-Каменский